

Ольга
Северская

Говорим,
не
заговариваясь

«ОШИБКООПАСНЫЕ»
ОБЛАСТИ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Мы делили
пол-лимона

Ольга Игоревна Северская

Говорим, не заговариваясь

Серия «Говорим по-русски правильно»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69923137

Говорим, не заговариваясь:

ISBN 978-5-17-152936-9

Аннотация

Ольга Северская – лингвист, журналист радиостанции «Эхо Москвы» (1991-2022), кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН, обладатель медали Пушкина.

Эта книга – об «ошибкоопасных» областях русского языка. Мы каждый день встречаемся с непростыми в употреблении словами – надевая сапоги, кроссовки или кеды, укладывая в чемоданы пары носков, чулок и джинсы, отправляясь в отпуск за границу или за город. Есть случаи, когда норма определена жестко, а есть, когда допустимы «вольности».

Эта книга – еще и история некоторых слов и выражений, имен и фамилий. Мы освоим самолеты, пароходы и паровозы, побываем в тридевятом царстве, тридесятом государстве, где нас ждет царь-государь, заглянем даже в шпаргалки и всерьез задумаемся, есть ли хвосты у прохвостов и прихвостней.

Приглашаем вас в мир увлекательного русского языка.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Имя и фамилия	10
Завтрак, обед и ужин	13
Размышления над чашечкой кофе	15
О чае с сахаром	23
Баранки и бублики	28
Пол-апельсина, пол-лимона, полмандарина	31
Семи пядей во лбу – это какая же голова?!	33
Косая сажень в плечах	36
Вершки и аршины	38
Два, две или двое?	41
Джинсы, кеды или кроссовки	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ольга Игоревна Северская

Говорим, не заговариваясь

© О.И. Северская, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

От автора

«Родной язык нам должен быть главной основой и общей нашей образованности, и образования каждого из нас» – эту мысль П.А. Вяземского стоит принять как руководство к действию.

В книге, которая перед вами, хочется поговорить об «ошибкоопасных» областях русского языка.

Во-первых, есть множество слов, непростых в употреблении, с которыми мы сталкиваемся каждый день – например, надевая *сапоги*, *кроссовки* или *кеды*, укладывая в чемоданы *пары носков*, *чулок* и *джинсы*, отправляясь в отпуск за *границу* или за *город* или же *болея* – «по правде», ходя к врачам, выполняя их предписания и получая документы о временной нетрудоспособности, или *справки*, и «понарошку» – за *две прекрасные (или прекрасных?) команды*, наблюдая за ходом матча по *телевизору*, который многие упрямо называют *телеком*, или приводя в порядок, *убирая* свое жилище, *стеля простыню* и взбивая *подушку*. Даже чашечку *чая* и *кофе* теперь нельзя выпить, не задумавшись, а правильно ли это будет.

Есть случаи, когда норма определена жестко, но иногда допустимы «вольности».

Во-вторых, есть слова, которые звучат очень похоже, а значат либо совсем разное (как *олигарх* и *аллигатор*, *шоры* и

шторы), либо отличаются оттенками значения (как *патронаж* и *патронат*, *самодостаточность* и *самодовольство*), в их употреблении ошибок – хоть отбавляй.

В-третьих, норма есть и во фразеологии. Постараемся объяснить, почему не стоит путать *ломаный грош* с *выеденным яйцом*, превращая их в *ломаное яйцо*, а заодно и подумаем, когда можно играть с фразеологизмами, а когда стоит быть серьезнее. Добавим увлекательные истории о происхождении тех или иных оборотов и даже мемов.

Чтобы не «зацикливаться» на ошибках, обратим внимание и на историю некоторых слов и выражений: на *имена* и *фамилии*, на *завтрак*, *обед* и *ужин*, освоим *самолеты*, *пароходы* и *паровозы*, побываем в *тридевятом царстве*, *тридесятom государстве*, где нас ждет *царь-государь*, заглянем даже в *шпаргалки* и всерьез задумаемся, есть ли хвосты у *прохвостов* и *прихвостней*.

В работе над книгой были отчасти использованы материалы программы «Говорим по-русски!», которую я вела на радио «Эхо Москвы» сначала восемнадцать лет вместе с Мариной Королевой, а потом еще пять с Оксаной Пашиной, а также моих «телеопытов» на каналах НТВ, «Бибигон» и «Карусель» в содружестве с компанией «Pilot-TV». Некоторые истории о «словах-двойняшках» и образных выражениях были опубликованы в газете «Русский язык». Но нового добавилось много. И новых слов, и новых смыслов.

Ольга Северская,

филолог и журналист

Глава 1

Слова на *каждый* день

Обычные слова, которые повторяются по сто раз на дню, мы воспроизводим автоматически. А автоматизм, как известно, отключает сознание. Мы перестаем думать, что эти слова значат, как употребляются, какая у них история, каковы их ближайшие «родственники»... И «лепим» их одно к другому. А задумываясь над их сочетаниями и смыслом, порой чувствуем себя сороконожкой, которая уже и не знает, с какой ей ноги пойти.

Но даже в обыденных вещах можно найти что-то полезное и интересное.

Имя и фамилия

Они есть у каждого из нас. Но задумываемся ли мы, что значат эти слова? Знаем ли, какие у них были и есть значения?

Имя – это отличительное название, которое дается человеку при рождении. Но имена мы даем и своим домашним любимцам – котенку, щенку, хомячку, попугайчику... Синоним человеческого имени – *прозвище*, а имена животных называются *кличками*. Растения тоже носят определенные имена. Например, алоэ также известно *под именем* «столетник». Кроме того, мы *именуем* предметы и явления, выделяем их, отделяя известное от непознанного. *Называя вещи своими именами*, мы приближаемся к истине – говорим, как есть.

Имя – это еще и личная известность. В нашей истории – множество громких и славных имен. Да и многие из вас наверняка хотели бы *приобрести имя*. Берегите его смолоду, чтобы оно было *добрым*!

В старославянском и древнерусском языке было *имѧ*, от *jьmę. Латинское *nōmen*, греческое *ὄνομα*, по мнению многих ученых, того же корня. По одной из версий, образовалось *имя* с помощью суффикса – *мен*– от индоевропейского предлога **en*– «внутри», иными словами, *имя* было отражением внутренней сущности того, что *в-кладывалось* в новорожденного. По другой версии, *имя* восходит к общеславянско-

му *jь– и одного корня с глаголом *иметь*. А П.Я. Черных, автор «Историко-этимологического словаря русского языка», предпочитает это *jь– сравнивать с индоевропейским корнем *iei– «отделять, обособлять». И логика в этом есть: имена даются людям, животным и вещам, чтобы их можно было отличать друг от друга средствами языка.

А что такое *фамилия*? В современных словарях на первом месте в толковании значится: «наследуемое семейное именование, прибавляемое к личному имени». А в словаре В.И. Даля *фамилия* – прежде всего «семья, семейство», и значение это сохранялось вплоть до 60-х годов XIX века.

Когда говорили: «Он древней, хорошей *фамилии*», имели в виду, что человек принадлежит к знати, ведь *фамилией* называли «род, колено, поколение, племя, кровь, предков и потомство». Позже *фамилия* превратилась в «прозвание, проименование, родовое имя». В.И. Даль упоминает еще, что при галантерейной вежливости «*фамилией*» именовали жену, супругу носителя главы семейства. Вполне можно было услышать: «Самого я не застал, а видел *фамилию* их».

В словарной статье словаря В.И. Даля приводится и такая байка: «Ваша фамилия? – спросил высокий посетитель приезжего. – В деревне осталась, – отвечал старик простодушно, полагая, что осведомляются о супруге его». Мне кажется, это был распространенный в то время анекдот. И, как и положено анекдоту, разошелся он в нескольких вариантах. В словаре «Язык старой Москвы» В.С. Елистратова можно

найти ссылку на рассказ о том, как Александр II в 1862 году по прибытии в Москву встречался с купцами во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца. Так вот, обратившись к одному из купцов с вопросом: «Как твоя фамилия?», государь-император получил ответ: «Благодарение Господу, благополучны, Ваше Величество, только хозяйка что-то малость занедужила»... Надеюсь, государь только посмеялся такой «фамильярности». Купец ответил ему по-свойски, хотя этикетом такой разговор с царственной особой, конечно, не разрешался.

Фамильярным обычно называют не только «свойское обращение», но и «обращение запанибрата», слово имеет сегодня отрицательно-оценочное значение. *Фамильярничать* – «втираться, брататься, навязываться дружбой, хотеть быть с кем-то запросто» – тоже нехорошо.

Завтрак, обед и ужин

«Что вы едите на утренний завтрак?» – спросила телеведущая приглашенную звезду. Звездный ответ последовал незамедлительно, но я, честно говоря, не уловила, чем же именно знаменитость предпочитает начать свое «правильно-питание». Меня заинтересовало, почему нужно было уточнять, что завтрак – утренний? У некоторых завтрак бывает первым и вторым, но дневным или вечерним никто его не называет.

Когда внимание заостряется на привычных до заболтанности словах, стертая внутренняя форма вдруг бросается в глаза: что же получается – *завтрак*, который народная мудрость велит съесть самому и немедленно, становится *завтрашним*?! Не случайно же некоторые обожают всех *завтраками кормить*, все время откладывая что-то на потом, на *завтра*... Хотя со времен В.И. Даля известно: «Завтра – вор авоська, обманет, в лес уйдет».

Слово *завтра* возникло из сочетания *за утра*; существительное в родительном падеже, следовавшее за предлогом *за*, в древнерусском языке указывало на определенный промежуток времени. *За утра*, таким образом, вначале значило «в течение утра», а потом стало относиться к тому, что происходило *за* – «через» *утро*, в течение следующего утра, на другой день. А что до завтрака – утренней еды, – сначала

это был *заутрокъ*, так что *утренний завтрак* – все равно что *масло масляное*.

Поскольку питание должно быть трехразовым, займемся и обедом с ужином.

Обед – принятие пищи в середине дня. Образовалось слово из древних приставки **ob-* и корня **ěd-*. *Обедать* значило в общем-то... *объедаться*. И действительно, *обед* – наверное, традиционно самая обильная в наших широтах еда.

Ужин, вечернее, последнее за день принятие пищи и сама эта пища, вначале был... полдником, в этом значении слово *ужин* встречается в «Повести временных лет». Само слово происходит от древнерусского *уѣъ* – «юг», который еще называли *полуднем* (вспомним бытовавшее раньше разделение на *полуденные* и *полунощные*, соответственно южные и северные, страны). Ужинали, когда солнце перемещалось с востока на юг, память об этом в сохранившейся в говорах *пáужне* – «перекуске промеж обеда и ужина», а в других говорах и иных славянских языках ужин называется *вѣчерей*. А народная этимология возводит *ужин* к тому времени, когда *уже* все дела переделаны, намек на это можно найти в словаре В.И. Даля.

С традиционными приемами пищи разобрались. Теперь очередь напитков. Вы что любите – чай или горячо обсуждаемый в последнее время кофе?

Размышления над чашечкой кофе

«Полжизни проходит над чашечкой кофе», – написала как-то поэтесса Нина Искренко. А некоторые сегодня, похоже, и жизнь готовы отдать за чашку кофе... благородного мужского рода.

Накал страстей после публикации пресловутого приказа Министерства науки и образования РФ об утверждении списка словарей, содержащих нормы русского языка, достиг апогея, когда выяснилось: *кофе* в русском языке, оказывается, не только *черный*, но и уже довольно давно *черное*. «Вот до чего мы дожили, сегодня мы наших детей будем учить, что “кофе” среднего рода... Не думала я, что доживу до такого дня», – почти рыдала 1 сентября 2009 года с телекрана директор одной из московских школ.

Поэтому и стоит еще раз о кофе поговорить. Слова, обозначающие кофе, есть во всех языках. Европейские языки позаимствовали их из итальянского (*caffè*), а он – из турецкого (*kahva*). Первоисточник же – арабское слово *qahva* ([káхва] или [káва]) – от названия области Каффа в Эфиопии, родины кофейного дерева. В Африке кофейные зерна жевали и запивали водой, в XVII веке высадившиеся там турки оценили вкус зерна, научили туземцев жарить его, молоть, варить и пить с сахаром. Карамзин в «Истории государства Российского» описывает, как в 1699 году турецкий послан-

ник в Париже Сулейман-ага впервые показал европейцам кофе и познакомил их со способом приготовления, который во всем мире теперь известен как *кофе по-турецки*.

Слово *кофе*, как и сам напиток, вошло в употребление в России в XVIII веке, в петровское время. Уже в архиве Куракина есть свидетельство о том, что в России «пьют и чай, и *кофе*». Как и все новое, название напитка, приготовленного из кофейных зерен, имело вначале несколько вариантов: *кофе* (от голландского *coffie*), *ка́фе* (от немецкого *Kaffe*, с ударением на первый слог), даже *кофь* (в одном из документов упоминается «ящик для *кофи*», эта форма сохранилась в некоторых диалектах). Затем стали употребительными формы *кофий* и *кофей*.

Забавно, что даже в одном произведении XIX века можно было встретить обе формы. Например, в повести Пушкина «Дубровский»: «Обед, продолжавшийся около 3 часов, кончился; хозяин положил салфетку на стол – все встали и пошли в гостиную, где ожидал их *кофей*, карты и продолжение попойки, столь славно начатой в столовой», но «Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни *кофию*, поглядывал в окно и посвистывал к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою». Или у Чехова – в рассказе «Барыня» дворне «*кофию* дают», а в «Письме к ученому соседу» герой хвастается своими открытиями: «Потом я открыл еще, что собаки весной траву кушают подобно овцам и что *кофей* для полнокровных людей вреден, потому что производит в

голове головокружение, а в глазах мутный вид и тому подобное прочее».

Лев Успенский предполагает, что наши предки подогнали заимствованное слово к привычному уже *чай*, «чайку-кофейку попить мы до сих пор любим». По всей вероятности, именно формы *кофий*, *кофей* и способствовали тому, что слово *кофе* получило мужской род.

И сегодня правильно пить *крепкий, сладкий, черный кофе*. Но некоторые авторитетные словари уже не первый год указывают мужской род *кофе* как литературную норму, средний род – как разговорную: «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка, академический «Русский орфографический словарь» под редакцией В.В. Лопатина, «Словарь трудностей русского языка» Н.А. Еськовой, «Практическая стилистика русского языка» Ю.А. Бельчикова... По мере освоения напитка и слова кофе действительно «усреднялся». И этот путь грамматического развития выглядит логичным: слово *кофе* по форме напоминает русские слова среднего рода (например, *поле, кашне*); именно к этому роду относится и большинство (97 %) несклоняемых заимствований; кроме того, в нашем языке уже есть прецедент смены рода у существительного *какао*, которое вначале тоже было «мужским» напитком («свой *какао*» требовал, в частности, Тургенев).

Толерантные носители языка принимают эту логику и предлагают свои объяснения – например, на форуме про-

граммы «Говорим по-русски!» радио «Эхо Москвы»: «Что касается “*кофе*”, то я считаю, опять же в силу традиции, у него должен быть мужской род, но в ироническом смысле о некоторых напитках, подаваемых кое-где у нас порой под названием “*кофе*”, можно говорить только в среднем роде», «В современном русском языке род *кофе* определяется его (*кофе*) качеством». Помнится, на семинаре по морфологии в университете мы, будущие русисты, пришли к выводу, что чувство носителя языка подсказывает: крепкий, ароматный, по всем правилам сваренный напиток в изящной фарфоровой чашечке – кофе мужского рода, а то, что давали со сгущенным молоком в граненом стакане в столовой, – рода, безусловно, среднего. Возможно, печальная общепитовская реальность обусловила и появление в академической «Русской грамматике» примечания: «Допустимо употребление этого слова и в среднем роде: *сгущенное кофе с молоком*».

Пуристы с негодованием указывают на ошибки: «В воспоминаниях А.И. Деникина в описании званого обеда, данного императором по случаю проведения маневров, написано (по памяти): “*было накрыто черное кофе*”. Средний род! Можно списать это на то, что автор прожил уже больше двадцати лет в эмиграции, но ведь редактировали же! К тому же Деникин отличался хорошим слогом и отменной грамотностью».

У некоторых писателей, отличавшихся теми же качествами, тоже можно обнаружить «среднее» *кофе*. Так, в словаре-справочнике «Трудности русского языка» Л.И. Рахмано-

вой приводятся примеры из Бунина, Паустовского, из «Гиперболоида инженера Гарина» А.Н. Толстого: «Обед кончен. *Кофе* со столетним коньяком *выпито*», а также замечание тонкого стилиста Соколова-Микитова: «Необыкновенно вкусным кажется *кофе*, *поданное* в крошечной чашке». Вряд ли они учились в школе хуже, чем мы и наши дети. Просто процесс изменения рода у слова начался давно.

Тогда, когда появились первые *кофейные*, о которых можно прочесть много интересного в словаре «Язык старой Москвы» В.С. Елистратова. Кофейную комнату Московского английского клуба называли «говорильней». А в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого *кофе* пили в «умной» комнате – здесь, в *кофейной*, велись беседы о политике, часто смелые, оппозиционные. Было в те времена и специальное слово: *кофшменк*, им обозначалось лицо из прислуги, отвечающее за приготовление кофе (от нем. *Kaffe schenken* – «подавать кофе»). Встречались за ароматной чашечкой и *кофейные барышни* – наивные, неопытные, молоденькие институтки (институтки младших классов носили платья кофейного цвета). Они политических бесед не вели, скорее гадали на кофейной гуще – и в прямом, и в переносном смысле. Фразеологизм этот широко употребим в наши дни, *гадать на кофейной гуще* (это калька с французского *lire dans le marc de café* – букв. «читать в кофейной гуще») значит «строить беспочвенные, ни на чем не основанные предположения, догадки, домыслы».

В нынешних *кофейнях* на дне чашки гущи не бывает, технология приготовления кофе изменилась. Утром, пожалуй, стоит предпочесть *эспрессо*. Этот напиток покрепче, бодрит и заставляет быстрее двигаться – с крейсерской скоростью. Или... как экспресс, не останавливаясь, прямо к поставленной на сегодня цели.

Кстати, кое-кто и называет этот напиток «*экспрессо*». И не так уж и ошибается. У французов, например, кофе, приготовленный этим способом, так и называется: *express*. Как и всем знакомое название скоростного транспортного средства, это слово восходит к латинскому *expressus* от глагола *exprimere* – «выжимать». Только поезд или, скажем, автобус «выжимает» скорость, а кофе из кофейной машины выжимает пар.

Но оставим *экспресс* французам. У нас прижился итальянский вариант, образованный от того же латинского корня: *эспрессо*. Пишется, как и в языке-источнике, с удвоенным «с». А вот что касается *капучино*... В меню кофейен замечены по крайней мере два варианта написания: с одним и с двумя «ч». А некоторые еще и два «п» в этом слове пишут. Но стоит придерживаться рекомендаций нормативного «Русского орфографического словаря»: *капучино* – с одним «п» и одним «ч» (долгим звук «ч» в русском языке не бывает, поэтому удвоения согласной не требуется). *Капучино* так называли из-за украшающей напиток шапочки взбитого в пену молока (от итальянского *sarriocio*, которое произошло от латинского

sarra – «шапка, головной убор»).

За чашкой *капучино*, когда уже все дела переделаны, хорошо помечтать. А поздним вечером нет ничего лучше *моккачино*. «Ч» здесь тоже одно, а вот в первой части слова – две буквы «к». *Мокка* – это порт на берегу Красного моря, откуда в Европу отправляли один из лучших сортов кофе. Но вот его название пишется с «о» на конце: *мокко*, в итальянском «о» – окончание прилагательного мужского рода, *мокко* – это кофе из *Мокки*. А в *моккачино* имя города сохранилось без изменений. Напиток представляет собой смесь *эспрессо* и *шоколада*, поэтому первоначально назывался *эспрессошок*, но это имя из-за неблагозвучности утратилось.

Возможно, кто-то переживет «эспрессошок», узнав, что в словарях рядом со словом *эспрессо* долгое время стояла помета «м.», в то время как *капучино* и *моккачино* представлены как существительные ср. рода. Где же логика? Неужели в том, что в первом кофе присутствует «в чистом виде», а в двух других – в сильно разбавленном?! Специалист по этикету, президент Национальной ассоциации экспертов по деловой этике, этикету и протоколу, напоминает: *капучино* и *моккачино* – не кофе, а кофейные коктейли. Но сегодня грамматический дисбаланс в прошлом: все три слова могут употребляться как в мужском (рекомендуемая норма), так и в среднем (допустимый вариант) роде.

Как бы то ни было, в кофейнях подают *классический* и *двойной эспрессо*, нежный *капучино*, ароматный *моккачино*

– в строгом соответствии с действующей нормой. А возобладает ли грамматический средний род, расскажут уже дети и внуки современных «кофейных барышень».

О чае с сахаром

Как правильно попросить: *стакан* или *чаишку чая*, а к нему *сахара*, или же *стакан (чаишку) чаю* и *сахару* кусочка два-три?

Национальный корпус русского языка подсказывает: первый вариант встречается в два раза чаще второго. Выбор зависит, на первый взгляд, от авторских предпочтений. Заглянем на литературный чаек?

Вот красочная картина не очень приятного чаепития из «Очерков Москвы» Николая Славянского (1860–1865): «Беда, если некоторые гуманные хозяева имеют привычку приглашать на некоторые праздники некоторых приказчиков к себе на *чаишку чая*. Эта несчастная *чаишка чая* колом в горле становится у каждого из них при господствующей обстановке: во-первых, примут их как оплеванных, хозяйка и хозяйские дети еле удостоят ответом на их униженные поклоны; разве какой-нибудь подлипала, начинающий забирать в руки хозяина, окажется посмелее и, откланявшись, вступит с хозяином в речь. Выпивши по чашке, все непременно обернут чашки вверх дном; последует односложное “кушайте”; нальют по другой; молчанье ложится тяжелым гнетом; оно яснее всего показывает, какие тут отношения одного к другому; невыносимо для совестливого человека, говорили некоторые нам, оставляя эту нравственную пытку.

Кое-кто посмелее выпьет третью, и потом надо, сколько требует приличие, посидеть; прежнее молчание и гнет».

«Иметь в числе знакомых тонко воспитанную женщину для “*чашки чая*” по вечерам было бы приятно, но такая “*чашка чая*” что-то не представлялась», – откровенничает герой повести П.Д. Боборыкина «Поумнел» (1890).

А из мемуаров Николая Варенцова «Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое» (1930–1935) следует, что «у купечества “*чашка чая*” означала собрание кредиторов с предложением скидки».

В наше время в одном из номеров «Ландшафтного дизайна» (2003) появляется рассказ о чайном домике и церемонии чаепития в Саду Утренней Росы – с заключением: «*Чашка чая* может вмещать больше, чем целый мир!»

С другой стороны, в «Женитьбе» Н.В. Гоголя (1833–1835) Яичница, получив от невесты приглашение «ввечеру-де на *чаишку чаю* чтобы пожаловали», досадует: «Ох уж эта мне *чаишка чаю*! Вот за что не люблю сватаний – пойдет возня: сегодня нельзя, да пожалуйста завтра, да еще послезавтра на чашку, да нужно еще подумать. А ведь дело дрянь, ничуть не головоломное. Черт побери, я человек должностной, мне некогда».

А И.А. Гончаров во «Фрегате “Паллада”» (1855) пишет об исключительно русской страсти к чаепитиям: «Впрочем, всем другим нациям простительно не уметь наслаждаться хорошим чаем: надо знать, что значит *чаишка чаю*, когда вой-

дешь в трескучий тридцатиградусный мороз в теплую комнату и сядешь около самовара, чтоб оценить достоинство чая».

В читанной многими «Старой крепости» В.П. Беляева есть такое описание: «Постель отца гладко застлана, на столе стоит недопитая *чашка чаю*».

«По-прежнему по утрам манная каша и *чашка чаю*», – описывает незатейливый московский завтрак Окуджава в романе «Упраздненный театр» (1989–1993).

М.К. Кантор в повести «Одного достаточно» (2011) прославляет быт, «устроенный по правилам Маяковского» – «ничего лишнего: книга, стол, стул, *чашка чаю*».

А еще Национальный корпус приводит сообщения об открытии двух разных ресторанов: «Чашка *чая*» и «Чашка *чаю*».

Так где правда?

Конечно, в какой бы форме родительного падежа вы ни поставили соответствующее существительное, сладким чаем вас угостят. Но форма чуть-чуть повлияет на содержание просьбы.

Дайте мне, пожалуйста, чая! – закономерная просьба, когда речь идет о *чае* вообще, в противоположность, к примеру, кофе или какао, то есть о качестве, а не о количестве напитка (допустим, *вкус и аромат чая* вам милей). *Дайте мне чаю!* – здесь уже речь о чашечке или стакане чая, а не обо всем чайнике, не о чае вообще. Когда вам нальют завар-

ки, вы можете попросить добавить *кипятку*, опять же – не вообще, а столько, сколько вы захотите и сколько вместит стакан или чашка.

Правило, возможно, таково: окончание – *у* появляется, с присущим этой форме разговорным оттенком, в родительном падеже у существительных, называющих какое-то вещество, если речь идет не об этом веществе вообще (тогда используется форма на – *а*), а о каком-то его количестве. Например, можно купить *килограмм сахара*, полагая, что *сладость сахара* подсластит какую-то горькую жизненную ситуацию. А к чаю и сахару – еще и *сыру*, *медку*, *миндалю*...

Можно запастись *керосину* и *скипидару* – на черный день. Достать *воску* и сделать свечи.

И так далее.

Еще в родительном падеже могут оканчиваться на – *у* некоторые собирательные существительные, если речь идет о части целого. Когда вы замечаете, что на улицах и в метро *много народу*, вы явно не имеете в виду весь народ своей страны. Если речь о согражданах вообще, вас скорее будет интересовать *положение народа*, *интересы народа*, *история и будущее народа*...

Окончание – *у* может быть и в родительном падеже у некоторых отвлеченных существительных, как правило, входящих в устойчивые сочетания типа: *наделать шуму*, *нагнать страху*, *наговорить вздору*...

И, наконец, стоит запомнить множество фразеологиче-

ских оборотов: *без году неделя, без роду и племени, дать маху, задать перцу, прибавить шагу, поддать жару, с глазу на глаз, с миру по нитке, что есть духу, упустить из виду, беситься с жиру, умереть с голоду, танцевать до упаду, ни слуху ни духу.*

Но вернемся к нашему чаепитию. И подадим что-то к чаю. Тортик? Пирожное? Давайте что-то попроще, но лингвистически интересное.

Баранки и бублики

Баранка – «обварное хлебное колечко», как написано во многих словарях. В определении уже есть подсказка: *баранки* пекут из заварного, или, как говорили раньше, «обварного» теста. (Пшеничное тесто сворачивали в кольцо, затем варили в воде и только потом запекали, свидетельствует В.И. Даль.) Когда-то их называли *обва́ранки*, потом – *оба́ранки* и просто *ба́ранки*.

Со временем первая гласная отпала от приставки *об-*. То, что вместо сочетания букв «*бв*» стали писать просто «*б*», вполне закономерно: слово *обод*, например, образовалось когда-то от глагола *обводить* и звучало как *обвод*, слово *обычай* – от глагола *обвыкнуться*.

Слово *баранка* впоследствии было переосмыслено под влиянием другого, близкого по звучанию: *баран*. К тому же многие думали, что хлебные колечки начали так называть потому, что их как будто свернули в бараний рог, а другим они напоминали завитки овечьей шерсти, которые и называли *баранками* (была и *баранка* – «шкурка ягненка»). Вначале одно колечко называлось *баранок*, потом превратилось в *баранку* (по аналогии с уже существовавшим словом). В привычной нам форме *баранка* появилась в словарях в середине XVII века.

К столу ее подавали и раньше. Каких только не было бара-

нок: простые, ванильные, сдобные, маковые, сахарные! Это было традиционное угощение к чаю, еще в начале XX века *баранки* приносили как гостинцы детям. С «конфеток-бараночек» начинается припев к песне «Москва златоглавая».

В переносном смысле *баранкой* называют разные предметы кольцеобразной формы. Чаще всего *баранкой* называют автомобильный руль. По всей вероятности, водители позаимствовали это обозначение из говоров: *бараном* называли дугу из тонкой черемухи, прикрепленную концами к передней части охотничьих саней, к этой дуге привязывали веревку, за которую сани охотники и тянули (ну а от *барана* до *баранки* – рукой подать). Но могло сыграть свою роль и внешнее сходство руля с *баранкой*. Хорошо известны выражения *сесть за баранку*, *крутить баранку*.

В разговорной речи *баранкой* могут назвать и ноль. О спортсмене или команде, не набравших ни одного очка, можно сказать: *получили баранку*.

Но вернемся к *баранкам* из *обварного теста*. В.И. Даль называет их еще мелкими *бубликами*. *Бублики* действительно относятся к *бараночным изделиям*. Это – толстые мягкие *баранки*. И большие, как сохранивший старинное название краковский аппетитный специалитет – *obwarzaniec*. В других славянских языках тоже есть слова с основой *bubl-*: названия пузырей, волдырей. Значит, *бублик* можно перевести как «вздутый, вздувшийся» хлебец.

А еще есть *сушки* – маленькие тонкие и сухие (подсушен-

ные) *баранки*.

Пол-апельсина, пол-лимона, полмандарина

Мы делили апельсин. И лимон. И мандарин. Но не на дольки, а на половинки. И что получилось?

Что-то странное. Несмотря на то, что все это – цитрусовые и различаются они только вкусом и размером долек, поделились плоды не поровну. К мандарину его половинка, вернее символизирующий ее усеченный корень *пол-*, намертво приклеилась, не отдерешь. Если дефис между двумя корнями попытаешься втиснуть, компьютер тотчас учительским красным карандашом ошибочку подчеркнет. Но если убрать дефис между половинками апельсина и лимона, результат будет тем же. Почему же слова *пол-апельсина*, *пол-лимона* пишутся через черточку, а слово *полмандарина* – слитно?

Потому что есть правило: сложные слова с *пол-* пишутся с дефисом, если корень слова, которое обозначает то, от чего отнимается половинка, начинается с гласной (как в слове *апельсин*) или с согласной «л» (как в слове *лимон*); если же такой корень начинается с любой другой, кроме «л», согласной (как у *мандарина*), *пол-* к нему просто приклеивается, дефис в этом случае не нужен. А если в словосложении участвует имя собственное, то с какой бы буквы ни начинался его корень, главное, что она – большая, прописная, в этом случае *пол-* с этим корнем пишется через дефис: можно

объехать *пол-Америки*, осмотреть *пол-Лондона*, обойти *пол-Москвы*.

Это касается не только существительных. Например, порядковые числительные, обозначающие часы, «делятся на половинки» и пишутся по тем же правилам. Если родители хотят уложить вас спать в *полдесятого*, притворитесь, что вы очень увлечены уроками, – и вам удастся протянуть до *пол-одиннадцатого*. Конечно, тогда вам придется музыку слушать *вполуха* и мультик смотреть *вполглаза*... Но тогда вы выучите еще одно правило: в наречиях с первой частью *впол-* слитное написание не зависит от последующей буквы.

В 2002 году Орфографическая комиссия РАН, которой в то время руководил выдающийся грамматист В.В. Лопатин, хотела облегчить нам жизнь, предложив делить все на половинки с помощью дефиса. Но нет. Народ (не без влияния черного журналистского пиара) решительно встал на защиту действующих и по сей день правил, заявив: ничего, выучим, тут даже не надо быть семи пядей во лбу!

Семи пядей во лбу – это какая же голова?!

Пядь – старинная русская мера длины, известная с XVI века и употреблявшаяся в нашей стране до введения в 1918 году метрической системы мер. *Пядь* была равна 17,78 см. Слово происходит от древнеславянского глагола *плати*, имеющего значение «растягивать, натягивать». Поэтому так называли расстояние между концами растянутых большого и указательного пальцев (меньшая пядь) или большого и среднего пальцев (большая пядь). Соответственно, пядь покрывала примерно 18–20 см. Словом *пядь* обозначалась и мера, равная ширине ладони. *Пядью* широко пользовались в обиходе, измеряя ею, например, толщину снежного покрова, размер кирпичей, поверхность икон.

В современном русском языке слово *пядь* сохранилось в составе устойчивых оборотов – фразеологизмов. Один из них – *ни пяди земли не отдать, ни на пядь не отойти (не отступить)*: русские всегда старались не отдать противнику даже самой малой части родной земли. Другой оборот относится к очень умному человеку, о котором можно сказать: *он семи пядей (или пяденей) во лбу*.

Впрочем, *семь пядей во лбу* – еще не гарантия, что все сложится как нельзя лучше. Мысли классиков на этот счет фиксирует Национальный корпус русского языка.

Вот, например, что писал Н.И. Новиков в 1775 году в сатирическом журнале «Живописец»: «Науками ли получают деньги? науками ли наживают деревни? науками ли приобретают себе покровителей? Науками ли доставляют себе в старости спокойную жизнь? науками ли делают детей своих счастливыми? – Нет! так к чему же они годятся? Будь ученый человек, хотя *семи пядей во лбу*, да попадись к нам в приказ, то переучим мы его на свой салтык: буде не захочет ходить по миру. О науки! науки! бесполезная тяжесть. О ученые! ученые! вы-то прямые дураки».

«Но будь человек *семи пядей во лбу*, имей доброе сердце величиной с полицейскую будку, все-таки он один ничего не сделает, если не будет иметь помощников, и кончит тем, что схватит с сердцов чахотку», – рассуждал герой Ф.В. Булгарина в повести «Иван Иванович Выжигин» (1829).

«Русской народ упрям; вели только наш царь-государь, так мы этому Наполеону такую хлеб-соль поднесем, что он хоть и *семи пядей во лбу*, а – вот те Христос! – подавится» – это уже «народная мудрость» из сочинения М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1830).

И, наконец, цитата из «Подростка» Ф.М. Достоевского (1875): «Но будь я *семи пядей во лбу*, непременно тут же найдется в обществе человек *в восемь пядей во лбу* – и я погиб».

Выражение *семи пядей во лбу* возникло на основе представлений о том, что по высоте лба можно судить об умственных способностях человека. Конечно, это преувеличе-

ние: если принять во внимание величину *пяди*, то человек *семи пядей во лбу* должен был бы иметь лоб высотой около полутора метров! Число «семь» в этом выражении появилось не случайно: в народном сознании оно имело магическое значение.

Действительно, человек с полуметровым лбом выглядит сказочным. А если у него еще и плечи под стать голове... Впрочем, это уже другой сюжет.

Косая сажень в плечах

Косая сажень в плечах – признак богатырской силы, крепкого телосложения. Так скажут об очень большом человеке, высоком и широкоплечем. *Косая сажень* определялась расстоянием от пятки ноги до кончиков пальцев вытянутой вверх по диагонали противоположной руки. Равна она была 216 см. Таким размахом плеч могли похвастаться разве что былинные герои и сказочные персонажи-великаны. Впрочем, *прямая сажень* была немногим меньше: 152 см – величина, равная расстоянию между большими пальцами вытянутых в стороны рук.

Сажень была старинной русской мерой длины, как единица измерения упоминалась в книгах уже с XI века. Древнейшая *сажень* была прямой. С 1835 года, согласно указу императора Николая I «О системе Российских мер и весов», длина сажени была приравнена к длине 7 английских футов, или к 2 м 13 см и 40 мм. *Фут* – от английского *foot* («нога»). Русская *сажень* исторически тоже связана с ногами, поскольку образовалась от общеславянского *сягъ* (современное *шаг*) «расстояние, на которое можно шагнуть». Был еще глагол *сягать* (превратившийся в *шагать*), его можно найти в словаре В.И. Даля.

У В.И. Даля сажень – не только мера длины, но и «мерило, жердь в эту меру». Он упоминает еще и о погонной *саже-*

ни, которой измеряли длину предметов, квадратной, которой мерили площадь, и кубической, которой измеряли объем. В.И. Даль приводит и «скромное название» сажени – *саженка*. *Саженками* до сих пор многие плавают – этот стиль чем-то напоминает кроль.

Пожалуй, стоит еще обратить внимание на то, что в словаре В.И. Даля приводится два варианта ударения в этом слове: *са́жень* и *саже́нь*. Современные словари тоже дают два варианта, отмечая, что предпочтительнее ставить ударение на первом слоге. Только «Словарь ударений русского языка» И.Л. Резниченко категоричен: *саже́нь*, если речь идет о старинной мере длины, *са́жень*, если слово употребляется в составе оборота *косая са́жень в плечах*.

Какой же рост должен быть у молодца с плечами в косую сажень? Уж точно не двухвершковый!

Вершки и аршины

Вершок и *аршин* – старинные русские меры длины, очень важные. Хотя бы потому, что они использовались для измерения роста человека. Причем при определении роста, как правило, указывалось только количество вершков, превышающее два аршина. Например, герой повести Тургенева «Муму», дворник Герасим, был «мужчина *двенадцати вершков* роста». Это значит, было в нем два аршина и двенадцать вершков. Вершок был равен 4,4 см, аршин – 71,12 см. То есть рост Герасима – 195 см! Мог бы играть в баскетбол, если бы это было принято в те времена в русской деревне. А в современном русском языке слово *вершок* сохранилось во фразеологизме *от горшка два вершка* (в некоторых вариантах – *три*, но это дела не меняет): так говорят о человеке очень низкого роста, своего рода «мальчике-с-пальчик».

Пальчик упомянут не случайно. *Вершок* означал меру длины, которая приравнивалась к длине верхней части указательного пальца. А первоначально слово имело значение «небольшой излишек, который появлялся сверху при насыпании зерна».

Выражение же *от горшка два вершка* стало устойчивым сравнительно поздно. Первое из зафиксированных Национальным корпусом русского языка упоминание относится к концу XIX века: «Откуда-то гонор у него взялся какой-то.

Фу ты, ну ты... Не подступись... Сам-то всего *от горшка два вершка*, а тоже... тону задает... С форсом!» – всеобщее возмущение вызвал один персонаж у героев повести Н.И. Понякова «Товарищ» (1892).

В конце XX века оно стало относиться не только к росту, но и к возрасту, что доказывает, например, сцена из рассказа В. Шукшина «Космос, нервная система и шмат сала» (1966): «Старик смотрит сверху страдальчески и с любопытством. Юрка иногда удивляет его своими познаниями, и он хоть и не сдается, но слушать парнишку любит. – Откуда ты знаешь-то? *Тебе всего-то от горшка два вершка*. – Проходили. – Учителя, што ли, рассказывали? – Но».

А еще и не только к человеку. Героиня повести И. Грековой «Дамский мастер» (1963) жалуется на ничтожный, но вредный предмет: «против меня шебаршил *маленький радиоприемничек – от горшка два вершка* – и мешал мне читать: передавали скрипичный концерт Чайковского».

Так мера «от горшка два вершка» стала символом малой величины, незначительности, если не ничтожности.

Аршин же достался нам в наследство от турок в XVI веке. Слово произошло от *ārī* «локоть, предплечье». В.И. Даль указывает, что аршин равен длине всей руки от плеча. Как единица измерения аршин широко использовался в текстильной промышленности и торговле, вытеснив оттуда *локоть* (старинную русскую меру длины, равную примерно 50 см). *Аршином* называлась и линейка, которая использо-

валась для измерения тканей. Каждый купец, учитывая приблизительность этой меры, старался пользоваться своими аршинами, подменяя их в зависимости от того, покупал он товар или же продавал его. (Честные люди использовали *печатный аршин* – как пишет В.И. Даль, «клеименый, казенный, верный».) Это обусловило происхождение фразеологизма *мерить на свой аршин*, в переносном смысле означающего «судить о чем-то из корыстных соображений односторонне, субъективно. Этот оборот жив и по сей день, а другой – «*Я тебя на аршине смеряю!*», отразивший обычай купцов учить нерадивых продавцов и приказчиков палкой, – утратился. Как и существительное *аршинник* (так называли мелочных торговцев тканями) и глагол *аршинничать* – «заниматься торговлей» (*нааршинничать* значило «наторговать», *проаршинничаться* – «проторговаться»). Еще один фразеологический оборот сохранил *аршин* в современном русском языке: *будто аршин проглотил* – так говорят о человеке, который держится неестественно прямо и скованно.

Измерили людей – теперь посчитаем.

Два, две или двое?

По правилам русского языка, если речь о *женщинах, девушках и девочках*, употребляются количественные числительные *две, три, четыре*: *две женщины, три девушки, четыре девочки*. Если же речь о *мужчинах, юношах и мальчиках*, их уже будет *двое, трое, четверо*. Сказать: «Иду я по парку, а навстречу мне *три мужчины*» абсолютно невозможно. Хоть слово *мужчина* (как и *юноша*) по форме напоминает слово *женщина*, оно – мужского рода, значит, навстречу идут *трое мужчин* (хорошо бы с добрыми намерениями...). Итак, мужчин и юношей не может быть *два, три, четыре*. А вот мальчиков может быть и *два (два мальчика* – как у героя «Служебного романа»: мальчик и мальчик), и *двое*.

Собирательные числительные идут в ход и тогда, когда имеются в виду вообще *люди* или *дети*: вот по улице, например, идут *двое* или *двое прохожих* (двое мужчин, две женщины или мужчина и женщина), а за ними – *четверо ребят* (это могут быть и мальчишки, и девчонки, или и те и другие).

Если мы имеем дело с сочетанием «*трое сирот*», нельзя сразу сказать, кто имеется в виду: мальчики или девочки (могут быть и те и другие или, например, *двое мальчиков и одна девочка*), если же упомянуты «*три сироты*» – речь однозначно о девочках, лишившихся родителей.

Есть случаи, когда возможны обе формы: *два друга* и *двое*

друзей. В первом словосочетании смысловой акцент – на личностях, это два конкретных человека, которые дружат, во втором – скорее на том, что их объединяет.

Не рекомендуется употреблять собирательные числительные, если речь идет о людях, занимающих относительно высокое положение. Например, на кафедре может быть *два профессора* (но не *двое профессоров*), а в каком-нибудь воинском подразделении – *три генерала* (но не *трое генералов*). Количественные числительные и в этом случае позволяют сделать акцент на личности, на ее достижениях, а собирательные – «понижают статус» соответствующего лица (сравните: *двое преподавателей, трое военных* – здесь акцент на социальной группе).

А теперь посмотрим, кто во что одет. «Панталоны, фрак, жилет» оставим Шишкову и Пушкину. Не на бал собираемся. Выбираем стиль casual.

Джинсы, кеды или кроссовки

Отправила мать сына на распродажу – чтобы тот выгодно купил приличную одежду. А тот принес очередные джинсы, да не одни. «Опять?! – возмутилась мать. – Да их у тебя видимо-невидимо, этих...» Запнулась – и закончила: «Штанов».

Джинсы – существительное *pluralia tantum*, произошло от английского *jeans*, так называются плотные хлопчатобумажные брюки из *джи́нсовой* (или *джинсо́вой*, допускаются оба варианта) ткани. Первые *джинсы* были изготовлены в XVII веке моряками из отходов прорвавшихся парусов – почти одновременно во всех странах, где был парусный флот. Названием обязаны итальянскому красителю индиго, поставлявшемуся из Генуи, а ткань изготавливали во французском городе Ним.

И у нашего героя, и на распродаже – видимо-невидимо *джинсов* (ни в коем случае не *джинс*). Именно *джинсов*. Хотя вы можете возразить: вот есть одни *брюки*, но много *брюк*, или одни *шорты*, но несколько *шорт*. У некоторых существительных, которые обозначают парные предметы и употребляются исключительно во множественном числе, в родительном падеже может быть и нулевое окончание. Но есть и другие: например, *штаны*. Вот у них в родительном падеже окончание – *ов*. И *джинсы* так же склоняются: хорошо,

когда есть хотя бы одни любимые *джинсы*, но еще лучше,
когда разных *джинс*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.